

Научная статья
УДК 340
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-160-167>

Права коренных малочисленных народов России: теоретико-правовой аспект

Леонтенкова Елена Андреевна

Нижегородский областной суд, Нижний Новгород, Россия, superbegemot@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируется современный уровень институционализации правового статуса коренных малочисленных народов в фокусе обеспечения их этнокультурной безопасности. В статье рассмотрен ряд предложений в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири, Дальнего Востока, Северного Кавказа в составе многонационального народа России, их статуса и пределов реализации коллективных прав. Автор статьи считает, что эффективность защитных правовых механизмов зависит от того, насколько в правотворческой, законопроектной работе учитываются экономические, хозяйственные, социальные, этнические, культурные особенности жизни коренных малочисленных народов.

Ключевые слова: право этносов, права коренных народов, малочисленные этносы, правовой статус малочисленных этносов

Для цитирования: Леонтенкова Е. А. Права коренных малочисленных народов России: теоретико-правовой аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 160—167. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-160-167>.

Original article

Rights of Indigenous Peoples of Russia: theoretical and legal aspect

Elena A. Leontenkova

Nizhny Novgorod Regional Court, Nizhny Novgorod, Russian Federation, superbegemot@rambler.ru

Abstract. The article discusses the current level of institutionalization of the legal status of indigenous peoples in the focus of ensuring their ethno-cultural security. The article considers a number of proposals regarding the indigenous peoples of the North, Siberia, the Far East, the North Caucasus as part of the multinational people of Russia, their status and the limits of the implementation of collective rights. The author of the article believes that the effectiveness of protective legal mechanisms depends on how much economic, economic, social, ethnic, cultural features of the life of indigenous peoples are taken into account in law-making, legislative work.

Keywords: the law of ethnic groups, the rights of indigenous peoples, small ethnic groups, the legal status of small ethnic groups

For citation: Leontenkova E. A. Rights of Indigenous Peoples of Russia: theoretical and legal aspect. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 160—167. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-160-167>.

В Российской Федерации, как известно, проживает более 170 народов и народностей, именуемых этносами, национальностями, национальными группами, коренными народами. Если не погружаться глубоко в терминологические споры, то следует признать, что можно выделить четыре юридически значимые разновидности народов: государствообразующий

русский народ (супер этнос), титульные народы (этносы) субъектов Российской Федерации, коренные малочисленные народы, национальные меньшинства. При этом, как отмечается в литературе, коренные малочисленные народы представляют собой не более 0,5 % всего населения России [1, с. 23—30]. Однако проживают они на огромных просторах от Мурманска до Чукотки

© Леонтенкова Е. А., 2022

и занимают более 60 % территории Российской Федерации. Места их проживания — Север, Дальний Восток, Урал, Сибирь, Северный Кавказ. При этом всего в России — 47 малочисленных народов, общая численность которых почти 280 тысяч человек. Причем 40 народов, или 260 тысяч человек, — это коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. Самый малочисленный народ России — керек, их на территории нашей страны проживает всего 4 человека.

Современные государства и международные организации гарантируют особые права коренным народам. В Российской Федерации защищает права коренных малочисленных народов прежде всего Конституция Российской Федерации, статья 69 которой гласит: «Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации».

Важность данной статьи в условиях культурно-экономической гомогенизации мира и не защищенности традиционных обществ от современной индустриальной и постиндустриальной цивилизации трудно переоценить. Единство полиэтничного общества зависит от наличия норм, гарантирующих защиту ценностей, признаваемых этносами этого общества. Поэтому в последнее время наблюдается рост количества правовых механизмов, гарантирующих сохранение этнокультурной идентичности народов Севера и иных регионов традиционного проживания коренных малочисленных народов [2—4]. Так что актуальность ряда исследований правового статуса коренных малочисленных народов, к которым относится и диссертация Досакаева Алимберди Базарбиевича на тему «Коренные малочисленные народы Северного Кавказа в составе многонационального народа России (гарантии статуса и пределы реализации коллективных прав)» трудно переоценить.

Эффективность защитных правовых механизмов зависит от того, насколько в правотворческой, законопроектной работе учитываются экономические, хозяйственные, социальные, этнические, культурные особенности жизни коренных малочисленных народов. Устойчивое правовое развитие российского общества, его цивилизационная идентичность в XXI веке напрямую зависят от культурной адекватности и этнополитической оправданности принимаемых правотворческих и управленческих решений. Чем больше законодатель проявляет

уважения и терпимости этноконфессиональной самобытности и идентичности народов России, тем больше общество приобретает чувство правовой целостности, социально-правового единства, этнополитической устойчивости. Важно при этом разработать критерии и пределы учета правовой самобытности этносов. Правовой обычай, решение дела местным народным судом в соответствии с этнокультурными предвзвешенными о правосудии и справедливости возможен только при условии четко разработанных процедур в рамках конституционного права России. Аргумент, что ритуалы и традиции собственного народа являются мощнейшим фактором правовой мотивации, так как задействуют те структуры сознания индивида, которые составляют его желаемое право, «жизненный мир», лежат в фундаменте его мировоззрения и мышления, не может приводить к противоречиям. Автор указанной выше диссертации справедливо обращает внимание на то, что Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» конституционная норма, указанная выше, дополнена частью 2, устанавливающей обязанность государства защищать и гарантировать культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации. Важно отметить, что, помимо гарантий самобытности этносам России, данная статья обеспечивает в качестве ценности этнокультурное и языковое многообразие. Согласно статье 25 Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов коренные народы имеют право сохранять особую духовную связь с традиционно принадлежащими им или иным образом занятыми или используемыми ими землями, территориями, водами и морскими прибрежными водами [5]. Автор пытается решить целый ряд проблем конституционно-правового регулирования отношений с участием коренных малочисленных народов. Прежде всего ему представляется правильным обосновать конституционно-правовые гарантии статуса и пределы реализации коллективных прав коренных малочисленных народов Северного Кавказа в составе многонационального народа России. Обращает диссертант внимание и на сохранение и развитие национально-культурной и исторической самобытности, на выработку механизма реализации положений части 2 статьи 26, частей 2 и 3 статьи 44, части 3 статьи 68, частей 1 и 2 статьи 69 Конституции

Российской Федерации. Важным ему представляется и совершенствование, соответственно принципу правовой определенности, действующего в данной сфере законодательства об установлении пределов реализации коллективных прав в местах территорий традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Северного Кавказа. Нельзя не согласиться с диссертантом, что освещенные им проблемы имеют значение не только для коренных малочисленных народов Северного Кавказа, но и для остальных народов России.

Ключевой вопрос в исследовании гарантий коренным малочисленным народам — какие народы подходят под данное определение. В российском законодательстве дано определение коренных малочисленных народов Российской Федерации — это «народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями» [6]. Таким образом, важным признаком коренного малочисленного народа следует признать численность менее 50 тысяч человек, связь с территорией предков, традиционный образ жизни (образ жизни, идентичный жизнедеятельности предков). Кстати, нормы данного закона распространяются и на тех лиц, которые относятся к малочисленным народам в силу того, что постоянно проживают в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов, и для которых традиционная хозяйственная деятельность и занятие традиционными промыслами являются подсобными видами деятельности по отношению к основному виду деятельности в других отраслях народного хозяйства, социально-культурной сфере, органах государственной власти или органах местного самоуправления (ст. 3 ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»). По изначальному замыслу законодателя, данный статус необходим для сохранения традиционного природопользования и образа жизни определенных категорий граждан. Ведь правовые гарантии охватывают и лиц, не принадлежащих этнически к коренному малочисленному народу, но относящихся к малочисленным народам в силу того, что постоянно проживают в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных

народов. Это связано с тем, что первоначально в 1995 году был разработан законопроект, посвященный установлению основ правового статуса коренных малочисленных народов России. Этот законопроект определял следующие признаки коренного малочисленного народа: качественный (проживание на территории традиционного расселения своих предков, сохранение самобытного уклада жизни, осознание себя самостоятельной этнической общностью) и количественный (должны насчитывать не более 50 тысяч человек) [7]. Именно они и попали в указанный выше Федеральный закон.

Помимо коренных малочисленных народов, в федеральном и региональном законодательстве встречаются следующие понятия: «малочисленные этнические общности», «этнос», «национальные меньшинства», «коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» [8]. В юридической литературе понятия «малочисленные народы» и «национальные меньшинства» часто отождествляются [9; 10; 3]. Но практически все исследователи едины во мнении, что именно традиционные природопользование и хозяйствование составляют стержень самобытной культуры коренных малочисленных народов, как подчеркивает ведущий специалист в данной сфере профессор В. А. Кряжков [11, с. 105].

Привилегии коренных малочисленных народов обоснованы и очевидны: переход к индустриальной цивилизации уничтожает уклад и ведет к исчезновению этих народов. Кроме того, ряд традиционных промыслов предполагает нарушение общих правовых режимов: например, охота на некоторые виды рыб, в отношении вылова которых установлены ограничения законодательством. Однако В. А. Кряжков выделяет ряд условий предоставления этих привилегий. Во-первых, должна иметь место ограниченность природных ресурсов в местности коренных малочисленных народов и предоставление особых льготно-правовых режимов крайне необходимо для обеспечения традиционного природопользования коренных малочисленных народов. Во-вторых, в силу пункта «в» статьи 71 Конституции Российской Федерации, определяющей, что регламентация прав и свобод человека и гражданина является предметом ведения Российской Федерации, специальные права коренных малочисленных народов необходимо устанавливать на уровне федеральных законов. В-третьих, привилегии в сфере хозяйственной деятельности должны учитывать

иерархизированный характер пользователей ресурсами и целей природопользования: от непосредственного жизнеобеспечения до коммерческого или спортивно-оздоровительного использования. Наконец, необходимо учитывать опасность избыточного патернализма, приводящего к иждивенческому поведению коренных малочисленных народов, угрожающему снижению экономической активности его представителей [12, с. 21].

Следует иметь в виду, что далеко не все народы численностью менее 50 тысяч человек можно отнести к коренным малочисленным народам. Возможны еще варианты этносов с численностью менее 50 тысяч человек: национальные меньшинства, под которыми понимают, как правило, этнические группы, проживающие на территории других народов. «Национальные меньшинства — это часть представителей данной нации, проживающая в инонациональной среде за пределами традиционного поселения, но продолжающая сохранять свою самобытность, язык и культуру» [13, с. 10].

Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации утверждается Правительством Российской Федерации [14]. Единый перечень из 46 коренных малочисленных народов был утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 года № 25525. Далее произошло следующее: 40 коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 апреля 2006 года № 536-р 26 были выделены в отдельный перечень. Оставшиеся шесть коренных малочисленных народов из Единого перечня — бесермяне (Удмуртская Республика), води и ижорцы (Ленинградская область), нагабайцы (Челябинская область), сету (Псковская область), шапсуги (Краснодарский край) на сегодняшний день получают поддержку из бюджета субъектов Российской Федерации, где они проживают.

Следует особо указать на республику Дагестан. В юридической литературе уже обращалось внимание на то, что постановлением Государственного совета Республики от 18 октября 2000 года № 1927 был утвержден перечень коренных малочисленных народов, куда вошли народы с численностью более 50 тысяч человек [15]. В указанной выше диссертации такой подход не вызывает возражений, так как по замыслу ее автора важен не количественный критерий, а самосознание: «Конституционно-правовой статус коренных малочисленных народов России

должен определяться не только каким-то одним фактором — количественным составом этого народа (социальной общностью), а комплексом взаимосвязанных обстоятельств (факторов) как объективного (культура, быт, язык), так и субъективного характера, прежде всего внутреннее самоопределение этноса к его сопричастности к образу жизни, культуре, быту соответствующей социальной общности. К тому же в международной и зарубежной практике количественный критерий не является основополагающим и не рассматривается как принцип определения народа к малочисленному» [16, с. 43].

Автор диссертации полагает, что правовой статус народов Северного Кавказа остается пока не определенным. Он также обращает внимание на то, что по итогам Всероссийской переписи населения 2002 и 2010 годов можно сделать вывод о наличии еще некоторых этносов, не указанных в Перечне. Это такие народы, как андийцы, багулалы, годоберинцы, дидойцы, каратинцы, кубачинцы, горские евреи и др. Диссертантом проанализировано законодательство нескольких субъектов Российской Федерации (Республики Дагестан, Карачаево-Черкесской Республики, Краснодарского края и др.), на территории которых проживают официально признанные в качестве малочисленных народов абазинцы и шапсуги, а также представители этнических общностей, не включенных в Единый перечень коренных малочисленных народов России, но имеющих некоторые черты, позволяющие их отнести к таковым фактически. Диссертантом проработаны теоретические аспекты конституционно-правового статуса коренных малочисленных народов Северного Кавказа на основе общих и особенных черт, выявленных в ходе сравнительно-правового анализа, предложено авторское понимание категории «коренные малочисленные народы Северного Кавказа». Во втором положении, выносимом на защиту, дается собственное, авторское определение коренных малочисленных народов.

В диссертации концепт «коренные малочисленные народы Северного Кавказа» интерпретируется как исторически сложившаяся устойчивая совокупность людей, проживающая на территории традиционного расселения своих предков, составляющая статистическое меньшинство в Российской Федерации или на территории ее субъектов, обладающая основными этническими характеристиками (национальной идентичностью) и осознающая себя в составе многонационального народа России самостоятельной этнической общностью.

В определенном смысле автор прав, когда говорит о том, что не менее значимым, чем «сохранение традиционного образа жизни и традиционными формами деятельности» является и такой субъективный признак отнесения народа к коренному малочисленному, как национальное самосознание» [16, с. 41]. В своем выводе автор придерживается свойственного целому ряду ученых принципа отрицания количественного критерия малочисленности народа [17, 18].

Однако в юридической литературе присутствует и иная точка зрения: по мнению одного из ведущих исследователей в данной области В. А. Кряжкова, «законодатель без достаточных оснований расширил традиционный для России перечень народов с особым статусом, включив в него, кроме северных народов, иные народы, в том числе Северного Кавказа» [3, с. 116]. Его аргументация, а также доводы академика Тишкова очевидны: перечень коренных малочисленных народов будет расти не обоснованно; у народов Северного Кавказа совсем иная степень модернизации, окружающая среда, система хозяйствования, системы жизнеобеспечения, чем у КМН Севера [19].

И действительно, в Республике Дагестан в соответствии с постановлением Государственного Совета (2000) к коренным малочисленным народам Дагестана отнесены этносы, численность которых в несколько раз превышает законодательный минимум, в то время как другие, подпадающие под нормативные критерии, отсутствуют в обозначенном Перечне. Однако сам В. А. Кряжков отмечает в своей статье, что в Конституции Российской Федерации используется также термин «малочисленные этнические общности» (п. «м» ч. 1 ст. 72), который, на его взгляд, «вполне справедливо признается адекватным термину “коренные малочисленные народы”» [15, с. 75]. Следовательно, возможно поставить вопрос о критериях относительности (внутри каждого субъекта Российской Федерации) численности народа при отнесении его к малочисленным. Кроме того, в условиях экономической глобализации, гомогенизации и унификации цивилизаций действительно требуется ряд дополнительных гарантий этносам, ведущим традиционный образ жизни, пусть и численность которых превышает 50 тысяч человек. Если в местах их проживания ведется традиционное земледелие, животноводство или растениеводство, то уже этим данные народы должны привлекать внимание государства в части защиты их традиционных ценностей и образа жизни.

В ряде исследований можно встретить и множество других важных предложений. Например, автор указанной выше диссертационной работы справедливо отмечает: «Доминантами установления пределов коренных малочисленных народов Северного Кавказа выступают такие факторы, как места их традиционного проживания и осуществления традиционной хозяйственной деятельности, исконная среда обитания малочисленных народов и необходимость ее защиты, сохранение этнокультурной и языковой идентичности. Установлением границ коллективного правопользования создаются прочные правовые основания противодействию злоупотреблению правами как со стороны малочисленных народов, так и со стороны лиц и органов, находящихся с ними в конституционно-правовой связи».

Однако трудно выполнимым представляется следующее предложение автора работы: ему представляется необходимым дополнить Федеральный закон от 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» императивным положением, обязывающим органы государственной власти субъектов Российской Федерации, на административных территориях которых расположены места традиционного проживания малочисленного народа, действовать согласованно по обеспечению прав коренных народов, признав за ними в собственном (региональном) законодательстве статус коренного малочисленного народа. Представляется такое предложение весьма трудновыполнимым, так как существует риск резкого увеличения числа новых коренных малочисленных народов в регионах. Было бы правильным сохранение федерального Перечня, добавлять в который народы возможно было бы после проведения целого ряда экспертиз по инициативе органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Далее автор в положении 4 автореферата отмечает, что во взаимоотношениях государства и публичных органов власти зарубежных стран с национальными меньшинствами, включая коренные народы, утвердился международно-признанный принцип недискриминации. Он предлагает учесть опыт конституционной практики ряда стран Северной и Южной Европы, государств Северной Америки в сфере сохранения и развития языка и самобытности (национальной идентичности) коренных народов. Однако автор предлагает учитывать не только опыт относительно данных сфер, связанных

с сохранением этнокультурной идентичности, но и опыт, связанный с практикой федеративного строительства. Между тем в Российской Федерации территориальные формы реализации права на самоопределение порождают серьезные территориальные споры и конфликты между народами, очень сильно смешанными и ассимилированными в период СССР, в котором проводилась политика надэтнического государственного строительства.

Как известно, Российская Федерация построена на совмещении административно-территориального и национально-территориального принципов формирования субъектов Федерации. При этом весьма конфликтогенным фактором является то, что национальных субъектов в Российской Федерации в десять раз меньше, чем этносов: только один из каждых десяти этносов имеет свою территориальную форму самоопределения.

Итак, на сегодняшний день имеется большое количество территориальных споров между титульными этносами в двусоставных субъектах (например, кабардинцами и балкарцами, карачаевцами и черкесами) или между субъектами Российской Федерации, имеющими и не имеющими этнонациональный принцип в основе своего региона (конфликт между Чеченской Республикой и Республикой Дагестан). Думается, напротив, постепенный отказ от этнонационального принципа построения Федерации в пользу экстерриториального самоопределения этносов в будущем может сыграть положительную роль.

Соискатель под предлогом защиты исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов коренных малочисленных народов предлагает дополнить статьи 5—7 Федерального закона от 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» положениями, предусматривающими возможность включать в состав рабочей группы профильные комитеты представительных органов всех уровней публичной власти представителей коренных малочисленных народов России (стр. 16—17 автореферата). Иными словами, к разработке и экспертизе проектов федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации о защите исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов малочисленных народов привлекать уполномоченных представителей малочисленных народов. Это предложение является,

безусловно, важным, однако не произойдет ли в данном случае рост конфликтогенности в процессе политизации данных вопросов, особенно с учетом территориальных споров и конфликтов в Дагестане, Чечне, Ингушетии?

И хотелось бы обратить внимание на то, что этнологическая экспертиза и так существует. В статье 8 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», перечисляющей права малочисленных народов, объединений малочисленных народов и лиц, относящихся к малочисленным народам, на защиту их исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов, говорится о праве малочисленных народов, объединений малочисленных народов в целях защиты их исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов участвовать в проведении экологических и этнологических экспертиз при разработке федеральных и региональных государственных программ освоения природных ресурсов и охраны окружающей среды в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов [20].

Некоторые исследователи, в том числе и указанный выше диссертант, предлагают считать в современных условиях развития российской государственности приоритетным объектом конституционно-правового регулирования статуса коренных малочисленных народов Северного Кавказа защиту их специальных прав, а также права на культурное наследие, сохранение этнокультурного и языкового многообразия. Однако данное положение представляется не вполне корректным по отношению к этносам, не имеющим статуса «коренные малочисленные народы». Думается, все этносы Российской Федерации должны рассчитывать на данные права и гарантии их этнокультурной самобытности. Дополнительные привилегии коренным малочисленным народам могут привести к дополнительным спорам с другими этносами, не относимым к малочисленным по количественному признаку.

Впрочем, эти и другие вопросы, возникающие в ходе рассмотрения доктринальных оснований правового регулирования жизнедеятельности коренных народов укрепляют убежденность в актуальности дальнейших исследований их правового статуса, в их своевременности и теоретической, концептуальной, а также практической важности и значимости. Тема еще требует

значительных усилий по оптимизации конституционно-правовой политики в сфере защиты коренных малочисленных народов, а также этнической (национальной) правовой политики государства в целом.

Список источников

1. Гарипов Р. Ш. Государственная политика в сфере обеспечения прав коренных малочисленных народов России: история и современность // Российский юридический журнал. 2010. № 3. С. 23—30.
2. Андриченко Л. В., Постников А. Е. Проблемы разграничения законодательных полномочий в сфере защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов России // Журнал российского права. 2008. № 5. С. 10—14.
3. Кряжков В. А. Дело о традиционной охоте, или Первый опыт защиты прав коренных малочисленных народов в Конституционном Суде России // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 4. С. 116—130.
4. Кряжков В. А. Конституционно-правовые статусы финно-угорских народов в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 5. С. 24—32.
5. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов: резолюция № 61/295 Генеральной Ассамблеи ООН. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.07.2020).
6. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ (ред. от 13 июля 2020 г.) // Российская газета. 1999. № 90. 12 мая.
7. Кряжков В. А. Право коренных малочисленных народов на земли (территории) // Государство и право. 1996. № 1. С. 69—73.
8. О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: федеральный закон от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ (ред. от 8 декабря 2020 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.07.2020).
9. Ирхин И. В. Конституционно-правовой статус лиц, постоянно проживающих в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов России // Журнал российского права. 2019. № 5. С. 31—39.
10. Крылов Б. С. Проблемы защиты прав национальных меньшинств в Российской Федерации // Журнал российского права. 2001. № 8.
11. Кряжков В. А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М., 2010.
12. Кряжков В. А. Права коренных малочисленных народов России: методология регулирования // Государство и право. 1997. № 1.

13. Тэпс Д. Соотношение понятий национальных меньшинств и коренных малочисленных народов // История государства и права. 2006. № 1. С. 10—13.
14. О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 г. № 255 (ред. от 18 декабря 2021 г.) // Российская газета. 2000. № 66. 5 апреля.
15. Кряжков В. А. Конституция Российской Федерации о правах коренных малочисленных народов: намерения и реальность // Государство и право. № 12. 2018 С. 74—76.
16. Досакаев А. Б. Коренные малочисленные народы Северного Кавказа в составе многонационального народа России (гарантии статуса и пределы реализации коллективных прав: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.
17. Андриченко Л. В., Белоусова Е. В. Основы правового статуса национальных меньшинств в Российской Федерации: сборник обзоров и статей / отв. ред. Б. С. Крылов. Серия «Отечественный и зарубежный федерализм». ИНИОН РАН. М., 1995.
18. Схатум Б. Ю. Конституционно-правовые вопросы защиты прав коренных малочисленных народов в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
19. О ратификации Российской Федерацией Конвенции МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах»: материалы круглого стола 23—24 ноября 2006 г. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2006.
20. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ (ред. от 13 июля 2020 г.). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.07.2020).

References

1. Garipov R. Sh. State policy in the field of ensuring the rights of indigenous peoples of Russia: history and modernity. *Russian legal journal*, 2010, no. 3, pp. 23—30. (In Russ.)
2. Andrichenko L. V., Postnikov A. E. Problems of delineation of legislative powers in the sphere of protection of the original habitat and traditional way of life of the indigenous peoples of Russia. *Journal of Russian Law*, 2008, no. 5, pp. 10—14. (In Russ.)
3. Kryazhkov V. A. The case of traditional hunting, or the first experience of protecting the rights of indigenous peoples in the Constitutional Court of Russia. *Comparative constitutional review*, 2019, no. 4, pp. 116—130. (In Russ.)
4. Kryazhkov V. A. Constitutional and legal statuses of the Finno-Ugric peoples in the Russian Federation. *Constitutional and municipal law*, 2015, no. 5, pp. 24—32. (In Russ.)

5. United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples: resolution no. 61/295 of the UN General Assembly. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 13.07.2020). (In Russ.)
6. On Guarantees of the Rights of Indigenous Minorities of the Russian Federation: federal law no. 82-FZ of April 30, 1999 (as amended on July 13, 2020). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 13.07.2020). (In Russ.)
7. Kryazhkov V. A. The right of indigenous peoples to land (territories). *State and law*, 1996, no. 1, pp. 69—73. (In Russ.)
8. On the territories of traditional nature management of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation: federal law no. 49-FZ of May 7, 2001 (as amended on December 8, 2020). Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 13.07.2020). (In Russ.)
9. Irkhin I. V. The constitutional and legal status of persons permanently residing in places of traditional residence and traditional economic activities of the indigenous peoples of Russia. *Journal of Russian Law*, 2019, no. 5, pp. 31—39. (In Russ.)
10. Krylov B. S. Problems of protecting the rights of national minorities in the Russian Federation. *Journal of Russian law*, 2001, no. 8. (In Russ.)
11. Kryazhkov V. A. Indigenous peoples of the North in Russian law. Moscow, 2010. (In Russ.)
12. Kryazhkov V. A. The rights of the indigenous peoples of Russia: the methodology of regulation. *State and law*, 1997, no. 1. (In Russ.)
13. Taps D. Correlation between the concepts of national minorities and indigenous peoples. *History of State and Law*, 2006, no. 1, pp. 10—13. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 21.02.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 21.02.2022; accepted for publication 10.03.2022.

14. On the Unified List of Indigenous Peoples of the Russian Federation: decree of the Government of the Russian Federation no. 255 of March 24, 2000 (as amended on December 18, 2021). *Rossiyskaya Gazeta*, 2000, no. 66, April 5. (In Russ.)
15. Kryazhkov V. A. The Constitution of the Russian Federation on the rights of indigenous peoples: intentions and reality. *State and Law*, no. 12, 2018, pp. 74—76. (In Russ.)
16. Dosakaev A. B. Indigenous peoples of the North Caucasus as part of the multinational people of Russia (guarantees of the status and limits of the implementation of collective rights. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2021. (In Russ.)
17. Andrichenko L. V., Belousova E. V. Fundamentals of the legal status of national minorities in the Russian Federation. Collection of reviews and articles / gen. ed. by B. S. Krylov. Moscow: INION RAN Publ., 1995. (In Russ.)
18. Skhatum B. Yu. Constitutional and legal issues of protecting the rights of indigenous peoples in the Russian Federation. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2002. (In Russ.)
19. On the ratification by the Russian Federation of ILO Convention no. 169 "On indigenous peoples and peoples leading a tribal way of life in independent countries": materials of the round table November 23—24, 2006. Moscow: Public Chamber of the Russian Federation Publ., 2006. (In Russ.)
20. On Guarantees of the Rights of Indigenous Minorities of the Russian Federation: federal law no. 82-FZ of April 30, 1999 (as amended on July 13, 2020). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 13.07.2020). (In Russ.)